Ольга КРЫЛИК,
научный сотрудник краеведческого музея г. Берёзовский

ПИСЬМА О ДРУГЕ

В той песне и боль, и просторы
Тревожных афганских дорог,
И гордость, и горе, и горы,
Где друг отозваться не смог.

В. Верстаков

Андрей Лужбин – единственный воин-берёзовец, погибший в афганской войне. О его службе там известно было мало: десантник, сержант, участник 45 боевых операций и выходов. Недавно появилась возможность узнать о нём больше – от его сослуживца, жителя города Юрга Сергея Нарышкина. Его адрес предоставил нашему музею председатель совета ветеранов шахты «Южная» Николай Александрович Анфёров, мы благодарим его за это. А также выражаем благодарность Сергею Николаевичу Нарышкину за фотографии, которые пополнили фонды нашего музея, и за его интересный рассказ в письмах об Андрее Лужбине, об их совместной службе в Литве и Афганистане.

Осенний призыв 1980 года. Эшелон новобранцев-сибиряков прибыл в Литву на станцию Гайжюнай. В полевом распределителе земляки Андрей Лужбин и Сергей Нарышкин выбрали специальность командира парашютно-десантного отделения. И началась их служба в 44-й учебной воздушно-десантной дивизии.

Из письма Сергея Нарышкина: «Дисциплина в учебке была довольно жёсткая. За те полгода, что мы там были, никто не был ни в увольнении, ни, тем более, в самоволке. Гоняли нас нещадно и днём, и ночью.

После окончания учебного подразделения нам присвоили звания и объявили, кто куда поедет. Здесь и выяснилось, что мы с Андреем едем в Ташкент. Самолётом из Вильнюса нас перебросили в этот город, затем отвезли в г. Чирчик. Здесь мы узнали, что нас направляют в 56-ю отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду, которая находилась в Афганистане, близ г. Кундуз».

В то время на афганской земле шла гражданская война и советские войска помогали правительственной афганской армии в борьбе с моджахедами.

«Из г. Чирчика на поезде доехали до г. Термез. Затем вертолётами нас перебросили в бригаду. Попали в 1-й батальон, в 3-ю роту, в разные взводы. Андрей был назначен в 4-й взвод, который считался миномётным, но миномёты мы с собой никуда и никогда не брали. Конечно, материальную часть, на случай проверки, он знал, но вряд ли с него стрелял.

Прибыли в Кундуз в начале мая – у них это уже разгар лета. Удушающая жара, серое небо, постоянно стоящая в воздухе пыль. Мы беспрерывно пили воду. Спины у всех были белые от соли, и хэбэшки были как железные. Потом нам прикрыли бочки с водой и стали выдавать по фляжке чая из верблюжьей колючки на сутки.

Бывало, небо вдруг темнело, как будто наступали сумерки. Это шёл «афганец» – песчаная буря. Прятались все в палатки, но пыль и песок проникали всюду. После этого несколько дней глаза у всех были красными, воспалёнными.

...После завтрака угоняли нас на учебный полигон ближе к горам. Там целый день стреляли из всех видов оружия, швыряли гранаты и били из гранатомётов, ставили и снимали мины, окапывались, ползали, атаковали, отходили, прикрывая друг друга, изучали средства связи, накладывали друг другу повязки. Гоняли нас так месяца полтора, не подпуская к боевым действиям. Всё это нам потом пригодилось. От таких учений появилась уверенность в своих силах, выносливость.

...Первый бой ничем особенным не запомнился. Нашу роту бросили на прикрытие афганской армии. Грохот автоматов, разрывы гранат, пылища. Радость, что мы были в первом бою и все вернулись. Потом разговоры взахлёб, обрывки воспоминаний и снисходительные улыбки дембелей».

В то время 1-й батальон 56-й десантно-штурмовой бригады вёл боевые действия на севере и северо-востоке Афганистана.

«Началось сопровождение колонн, везущих грузы для армии, прочёска «зелёнки», перекрытие отходов банд душманов, то есть пока менее опасное. Так мы набирались опыта.

Потом началось серьёзно. Имамсахиб, Талукан, Ханабад, штурм «зуба» в Файзабаде, откуда после трёхдневных непрекращающихся боёв наш батальон привёз 52 человека тяжелораненых и убитых. Там погиб первый из нашей учебки.

...В роте Андрея прозвали Дрюня от сокращённого Андрюха, Андрюня, и все обращались к нему только так. Говорил он с хрипотцой. Андрей был спокойным, смелым, надёжным, физически выносливым. Ребята уважали его за эти качества, а ещё

за простоту и готовность отдать последнюю бритвочку, конверт, последний глоток воды и последний патрон. Отдавая, он всегда говорил: «Возьми, тебе нужнее». Андрей был настоящим другом».

В декабре 1981 года 56-я ВД бригада передислоцировалась на юго-восток Афганистана. Нужно было полностью снять свой палаточный городок, чтобы потом обустроиться на новом месте. Пришлось совершить марш в семьсот километров, в том числе через горы Гиндукуш. Шли тремя колоннами по маршруту: Кундуз, Баглан, Пули-Хумри, перевал Саланг, Кабул, Бараки-Барак, Гардез.

«Шли тяжело, с боями и обстрелами. <...> Идёт «нитка» (колонна на марше) из ущелья в долину, из долины втягивается на перевал, с перевала спускается в ущелье. Рёв техники, запах солярки, бензина. Мелькают кишлаки, арыки, горы. Начинается обстрел. Все стволы работают на полную катушку. Свист пуль, разрывы гранат, горят машины, кричат раненые, лежат убитые, кровь на дороге, запах горящей резины. Сверху секут винтами воздух вертолёты, лупят из НУРСов, бьют из пушек и пулемётов, швыряют бомбы, дрожат и крошатся горы.

Всё стихает. «Духи» уходят в горы. Наводим порядок. Сожжённую технику сталкиваем в кювет или ущелье. «Нитка» ползёт дальше. До следующей засады и обстрела».

Но вот и город Гардез – административный центр провинции Пактия. Возле него стали дислоцироваться основные силы 56-й ДШБ.

Местность эта высокогорная. Рядом с Гардезом перевал Терра, ущелье Дахи-Нау, речка Логар, вдоль неё «зелёнка», а за рекой простиралась пустынная местность до виднеющихся вдали гор, за которыми начинался Пакистан.

«Зимой там много снега. Весной снег очень быстро растаял, и по всему плоскогорью расцвели тюльпаны. Их было тысячи и тысячи, разных цветов и оттенков – белые, красные, синие, чёрные, жёлтые. Это было великолепно.

Жили мы в палатках по 40–50 человек. Хотя стояли по две печки в палатке, зимой мы спали не раздеваясь и не разуваясь. Печки были на солярке и почти не грели.

Здесь продолжали тренироваться. Занимались рукопашным боем, метанием ножей, лопаток. Знали, что тренировки помогут выжить, хотя пуля всё-таки дура».

В соседнем Пакистане находились центры по подготовке боевиков для военных действий в Афганистане, формировались караваны с оружием для моджахедов.

«Ранней весной 1982 года на базе нашей роты было создано две группы – так называемые перехватчики караванов. В группу входили 18 десантников, два офицера, два связиста, два сапёра, иногда нам придавали двух-трёх разведчиков из ХАД (афганская контрразведка). Офицеры сами подбирали группы. Мы с Андреем попали в разные.

<...> Караван – это ослы, лошади, мулы, нагруженные оружием, боеприпасами, взрывчаткой, под охраной «духов». Передвигались они исключительно ночью, глухими ущельями, малохоженными тропами.

На засады мы выходили в основном по данным разведки и агентуры. Приходилось делать ночные переходы по 3–4 суток, чтобы устроить засаду на караванной тропе – в ущелье или на перевале. Днём отлёживались в горах, тщательно маскируясь. Иногда нас забрасывали «вертушками» (вертолётами), откуда мы выходили на «точку». Несли на себе полный боекомплект и сухпаёк на несколько дней. У каждого был небольшой радиоприборчик и наушник на одно ухо. В засаде находились двое-трое суток, иногда неделю. Ставили мины направленного действия, сами располагались так, чтобы всё было под перекрёстным огнём – так называемый «огневой мешок», чтобы никто не ушёл. Были сверхудачные засады, были и «пустышки». Уничтожали и просто небольшие банды, которые шли на пополнение из учебных центров Пакистана.

Мы были перехватчиками караванов, но и за нами велась охота. Мы были для моджахедов как заноза, потому что действовали их партизанскими методами. Иногда нас старались окружить, но мы вовремя обнаруживали это и ускользали. Один раз нас спасли лишь вертолёты.

Кроме таких засад, мы продолжали выезжать на сопровождение колонн или прочёску, участвовали в боевых операциях».

17 июня 1982 во время боя в районе города Бараки-Барак, находившегося под контролем моджахедов, Сергей Нарышкин был тяжело ранен и долго лечился в госпитале в Свердловске. Домой вернулся через три месяца после ранения. Там его ожидало письмо от одного из друзей, который сообщал о гибели Андрея Лужбина и описывал, как всё случилось.

Сергей вспоминает: «В конце сентября я приехал домой, и только через неделю жена отважилась отдать мне это страшное письмо.

Скорее всего, агент оказался «двойным», и поэтому группа, в которой был и Андрей, попала в засаду, когда пошла на перехват каравана. Случилось это 28 августа 1982 года. Группа вовремя обнаружила засаду и начала отход. Отходили с боем, дожида-

ясь помощи. Но «духи» бросили большие силы, стремясь уничтожить группу.

Андрей Лужбин и Сергей Буренников (из Волгоградской области, был с нами в учебке) прикрывали отход группы. Андрей был ранен двумя пулями в живот, и у него была раздроблена кисть руки. Буренников был ранен в голову и умер через два часа, не приходя в сознание. Согласно нашему неписанному закону, десантники своих не бросают. Двое поползли их вытаскивать, но были ранены. Поползли ещё двое. Когда они добрались, Андрей сказал: «Зря, пацаны, Дрюня своё отжил». И тут же пуля ударила ему в шею. Так погиб Андрей.

Вскоре на вертолётах прибыла помощь, и моджахеды отступили. В том бою погибли восемь человек (третья часть группы)».

У А. Розенбаума есть песня о «чёрном тюльпане» – самолёте «Ан-12», перевозившем тела погибших воинов, и в ней строки:

Идут из Пакистана караваны,
И, значит, есть работа для «тюльпана» <…>
Опять нести на Родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют.

Из стихотворения В. Верстакова:

Давайте вспомним поимённо
Тех, с кем навеки сроднены,
Кто был частицей батальона,
А стал частицей тишины…

Андрей Лужбин награждён орденом Красной Звезды (посмертно).